

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ В РОССИИ

С.Н. КОРСАКОВ

Нигилистическое отношение к философии после революции; возникновение первых исследовательских структур в области философии

Возникновение Института философии в нашей стране не было одномоментным актом. Институт имел длительную предысторию, включавшую функционирование нескольких исследовательских учреждений. Их пути переплетались между собой, а многие сотрудники работали сразу в нескольких из них.

В 1918 г. было основано первое после революции 1917 г. научное учреждение по общественным наукам – Социалистическая академия. С 1924 г. она называлась Коммунистической академией. Коммунистическая академия включала ряд институтов и секций, но специальной секции по философии образовано вначале не было.

Это было время, «антифилософского нигилизма»¹, когда многим казалось, что философия как особая наука отжила свой век, а марксизм трактовался лишь как теория общественного развития. В первое пятилетие после революции 1917 г. доминировало мнение, что философия должна уйти в прошлое вместе со всей «буржуазной» культурой. Философские журналы были закрыты, крупнейшие философы-идеалисты – высланы из страны. В высших учебных заведениях отсутствовали философские кафедры, вместо учебных курсов по философии, читались курсы исторического материализма. Со страниц теоретических журналов «Под знаменем марксизма», «Вестник Коммунистической академии» и др. высказывались нигилистические оценки философии и её будущего (А.А. Богданов, И.А. Боричевский, Э.С. Енчмен, М.Н. Лядов, С.К. Минин), фактически возрождавшие отрицание философии в первом позитивизме. Наиболее ярким выражением этих настроений стал лозунг С.К. Минина «Философию – за борт!»².

В этих условиях развернулась борьба за право философии на существование. А.М. Деборин и его сторонники (Г.К. Баммель, С.Л. Гоникман, В.А. Тер-Ваганян, А.Я. Троицкий) защищали статус философии как самостоятельной науки, подчёркивали наличие философской составной части в марксизме и последовательно проводили мысль о том, что адекватно понять это учение можно лишь овладев философской культурой, освоив богатство мировой философской мысли. Создание Института философии поэтому не было случайностью или же чисто административным решением. Это стало

---

¹ Термин Л.А. Когана – несколько тавтологичен, но верно отражает суть дела.

² См.: Коган Л.А. Глава шестая // История философии в СССР. Т. 5. Кн. 1. М., 1985.

завершением длительной борьбы А.М. Деборина и его последователей за «реабилитацию» философии как самостоятельной науки.

В первой половине 1920-х гг. в СССР право на существование могла иметь только «научная» философия, никак не связанная с идеалистическим прошлым. В 1921 г. при факультете общественных наук Московского университета был образован Институт научной философии. В 1924 г. этот Институт был включён в Российскую ассоциацию научных институтов общественных наук. Директорами ИНФ МГУ – РАНИОН были Г.Г. Шпет (1921 – 1923), В.И. Невский (1923 – 1924), А.М. Деборин (с 1924)¹. В Институте работали Л.И. Аксельрод, Я.А. Берман, А.А. Богданов, В.Н. Ивановский, А.В. Кубицкий, П.С. Попов и др.

В 1920 г. был создан Институт научной методологии. Его задачей была разработка методов исследования для всех наук. В Институте научной методологии работали О.Ю. Шмидт, Н.Н. Лузин, Е.С. Варга, С.Г. Струмилин и др. В 1923 г. Институт был ликвидирован, и в 1924 г. на его основе в составе Коммунистической академии была создана секция научной методологии² во главе с Л.Н. Крицманом. Внутри секции научной методологии стала функционировать группа научной философии во главе с С.С. Кривцовым, в основном занимавшаяся социологическими проблемами. Руководящим влиянием в Комакадемии по части философии пользовался А.М. Деборин, бывший членом Президиума Комакадемии. Он сыграл направляющую роль в преодолении господствовавших в первые послереволюционные годы нагилистических настроений в отношении философии, в преобразование группы научной ФИЛОСОФИИ СНАЧАЛА В Философскую секцию, а затем в Институт философии Комакадемии.

Институт философии в Комакадемии был организован в 1928-1929 гг. путём объединения Философской секции Комакадемии, созданной в 1927 г. А.М. Дебориным, и Института научной философии МГУ – РАНИОН. Создание Института философии, как ныне установлено по архивным данным, было оформлено постановлением ЦИК СССР от 12 апреля 1929 г. Эта дата может считаться днём образования И. ф. и отмечается как юбилейная.

Создание философской секции Комакадемии

Впервые вопрос о создании специальной философской секции в составе Коммунистической академии был поставлен в июне 1926 г. при подведении итогов работы Комакадемии за 1925-26 гг. 18 сентября 1926 г. на заседании бюро Президиума Коммунистической академии было принято решение организовать

---

¹ Подробнее см.: Коган Л.А. Непрочитанная страница // Вопросы философии. 1995. № 10. С. 102.

² Иванова Л.В. Первые советские научные центры в Москве // Памятники Отечества. 1987. № 2. С. 66.

комиссию по созданию философской секции в составе А.М. Деборина, А.К. Тимирязева и заместителя председателя Президиума Комкадемии экономиста В.П. Милютин. Инициатива в постановке этого вопроса исходила от А.М. Деборина. В условиях имевшего место тогда острого идейного конфликта между группой «диалектиков» А.М. Деборина и «механистами», видным лидером которых был А.К. Тимирязев, такой состав комиссии был явно нерабочим. А.К. Тимирязев фактически устранился от участия в создании секции, заявив: «Я могу написать статью, но не работать в трёх секциях одновременно»¹. Это было правдой; А.К. Тимирязев, действительно, одновременно руководил, либо участвовал в работе нескольких научных структур и учреждений, и жаловался на то, что организационная работа отнимает у него время от занятий наукой. Кроме того, А.К. Тимирязев, очевидно, не надеялся на то, что сможет оказывать влияние на процесс создания и работы секции.

Таким образом, вся деятельность по созданию философской секции была сосредоточена в руках А.М. Деборина и его сторонников. Он стал тем человеком, который задумал, организовал и возглавил со временем то исследовательское учреждение, которое вот уже 80 лет существует на Волхонке, 14 как Институт философии.

Мы не имеем здесь возможности разбирать суть разногласий «диалектиков» и «механистов»², и будем касаться этих сюжетов в той мере, в какой они связаны с историей Института философии, как таковой.

1927 год – год создания прообраза Института философии – философской секции Коммунистической академии. Один из ближайших приверженцев А.М. Деборина, научный сотрудник философской группы секции научной методологии К.К. Милонов подготовил проект Положения о философской секции и докладную записку об её организации в Президиум Коммунистической академии, изложив то видение задач и перспектив работы секции, которое было дано А.М. Дебориным. А.М. Деборин отредактировал эти тексты и вместе с К.К. Милоновым подписал их 27 января 1927 г.

В докладной записке намечалась организационная структура и кадровый состав будущей философской секции. Прежде чем говорить о них, нужно пояснить принципы организационного устройства научных учреждений того времени. Люди, работавшие в составе секции или института подразделялись на членов и научных сотрудников. В свою очередь, первая группа подразделялась на действительных членов и членов-корреспондентов, вторая – на старших и младших научных сотрудников. Руководила учреждением коллегия из председателя, учёного секретаря и нескольких действительных членов.

---

¹ Архив Российской академии наук (далее – Архив РАН). Ф. 350. Оп. 1. Д. 52. Л. 31.

² Подробнее см.: Алексеев П.В. «Диалектики» и «механисты» // Русская философия. М., 1995. С. 139-140.

Действительные члены избирались. Ими могли быть признанные учёные, известные своими работами. Основная их задача заключалась в том, чтобы ставить на обсуждение секции доклад с фундаментальной разработкой какой-либо теоретической проблемы. Учёный, либо же технический, секретари секции должны были заранее собирать с действительных членов заявки на темы докладов и сведения об ориентировочном времени их прочтения. Заседания, на которых обсуждались доклады, могли быть либо закрытыми, только для членов секции, либо открытые, публичные. В последнем случае давалось объявление о заседании, на которое приглашались все желающие. Во время заседания мог выступить содокладчик по теме, происходили прения, докладчик выступал с заключительным словом. Материалы некоторых заседаний публиковались в журналах «Вестнике Коммунистической академии» и «Под знаменем марксизма». Членами-корреспондентами секции или института были в буквальном смысле люди, проживавшие не в Москве, а в других городах – крупных центрах науки и образования. Старшими научными сотрудниками становились учёные, постоянно работающие в составе секции над какой-нибудь определённой актуальной темой; темы утверждались руководством секции и Президиумом Комакадемии. Младшие научные сотрудники выполняли научно-вспомогательные функции, связанные с вопросами подбора литературы, библиографией, переводами и пр. В рамках секции или института по значимости на первом месте стояли действительные члены, затем старшие научные сотрудники, члены-корреспонденты и младшие научные сотрудники. Причём, в отличие, скажем от 1950-1970-х гг., степень значимости должности была прямо пропорциональна количественному составу лиц, её занимающих. В Институте философии, например, длительное время действительных членов было свыше тридцати, а младший научный сотрудник – всего один.

Во временное бюро философской секции намечались А.М. Деборин (председатель), К.К. Милонов (учёный секретарь), Л.Н. Крицман. Оговаривалось, что председатель, то бишь, А.М.Деборин, «осуществляет общее идейное руководство работой секции». Кроме названных лиц, действительными членами секции должны были стать А.Я. Троицкий, Я.Э. Стэн, Н.А. Карев, И.К. Луппол, А.А. Максимов¹, Б.М. Гессен, В.П. Егоршин, И.И. Агол, М.Л. Левин, М.И. Яблонский, В.Н. Слепков, В.Ф. Асмус, П.С. Виноградская, Г.К. Баммель, Р.М. Выдра, С.С. Кривцов. Кто были эти люди? В большинстве своём это выпускники первых наборов Института красной профессуры, организованного в 1921 г. Они были учениками А.М. Деборина, руководившего кафедрой философии ИКП². А.М. Деборин сумел подобрать в ИКП очень талантливых

---

¹ В этот период А.А. Максимов примыкал к побеждавшей в философских дискуссиях деборинской школе.

² Подробнее о первом выпуске ИКП см.: Коган Л.А. На подступах к советской философии // Вопросы философии. 2002. № 5. С. 114-120.

людей, которые необыкновенно быстро сделались самостоятельными исследователями, зарекомендовавшими себя научной продукцией. Ко второй половине 1920-х гг. это были уже яркие философы, оригинально разрабатывавшие целый ряд серьёзных проблем. Разумеется, это были разные люди, во многих отношениях неравноценные; правда, судьба у большинства из них оказалась общей.

Большинство членов секции были активными сторонниками А.М. Деборина, остальные – людьми, до времени лояльными к формирующемуся философскому руководству. Сторонников «механистов» среди членов секции не было. Секция должна была включать также научных сотрудников, которые переходили в неё из бывшей общепhilosophической группы секции научной методологии: С.Я. Бобинского, И.Я. Вайнштейна, Ф.Е. Тележникова. К ним должен был добавиться Г.Ф. Дмитриев, оставленный для работы в Комакадемии в качестве преподавателя для слушателей ИКП. Научные сотрудники должны были продолжить разработку тех тем, которыми они занимались в секции научной методологии: С.Я. Бобинский – «Примат машины в развитии производительных сил», И.Я. Вайнштейн – «Проблема теоретической экономии у механистов», Ф.Е. Тележников – «Причинность с точки зрения диалектического материализма». Г.Ф. Дмитриев приглашался для разработки темы «Основные типы философских построений с точки зрения диалектического материализма (Введение в философию диалектического материализма)», которая была признана «весьма своевременной». Кроме того, К.К. Милонов, также работавший научным сотрудником секции методологии, собирался продолжать занятия по теме «Диалектика Маркса в “Капитале”».

Проект Положения о секции определял, что она должна объединять тех, кто стоит на позициях диалектического материализма и разрабатывает современные проблемы философии диалектического материализма на основе конкретных данных общественных и естественных наук и важнейшие, с точки зрения диалектического материализма, проблемы истории философии. К целям секции также относились: распространение идей диалектического материализма среди обществоведов и естественников – как теоретиков, так и практиков; установление тесных связей между теоретической и практической работой в научных исследованиях; популяризация взглядов Маркса и Ленина на философию как методологию знания и действия; «борьба с буржуазными извращениями в философии (идеализм, мистицизм, “учёная” поповщина) и ревизионистскими течениями “внутри марксизма” (австромарксизм, каутскианство, механистическое мировоззрение, фрейдизм)». В задачи секции входили: научно-исследовательская работа; издание оригинальных и переводных сочинений; организация докладов и дискуссий: как «закрытых» – в кругу членов секции, так и «открытых» – с привлечением широкой публики; изучение вопросов усвоения философии учащимися вузов; установка связи с

научно-исследовательскими учреждениями и отдельными лицами, ведущими соответствующую научную работу¹.

29 января 1927 г. представленные документы об организации философской секции обсуждал Президиум Комакадемии². В.П. Милютин, который докладывал этот вопрос, мотивировал создание секции тем, что ввиду борьбы течений и наличия тех колебаний, которые теперь имеют место в нашей стране в области философии, необходимо наладить систематическую работу по философским исследованиям. К.К. Милонов дал справку по кадрово-организационным вопросам, сообщив, что Л.Н. Крицман снял свою кандидатуру в состав бюро секции, и что философская группа научных сотрудников секции научной методологии, работавшая во главе с С.С. Кривцовым, будет передана формирующейся философской секции, а С.Я. Бобинский и Ф.Е. Тележников по совместительству продолжают под руководством С.С. Кривцова работу в секции научной методологии над теоретическими проблемами социологии. Е.Б. Пашуканис выразил сомнение, есть ли смысл теперь в существовании секции научной методологии, работа которой будет переименовываться, с одной стороны, с секцией естественных и точных наук, а, с другой – с философской секцией? Е.А. Преображенский заметил, что методологии без приложения к конкретным наукам быть не может, и секция научной методологии после выделения самостоятельной философской секции должна заниматься некоторыми интернаучными проблемами. Председатель Президиума Комакадемии М.Н. Покровский предложил утвердить Положение о секции и её состав, и отметил, что у секции научной методологии совершенно определённые объекты и самостоятельная задача. Задача «продвижения» диалектики в области естественных наук и, отчасти, в области общественных наук, которую решает секция научной методологии, не перекрывается задачами секции естественных и точных наук, в которой, отнюдь не все сотрудники стоят на позициях диалектики и ограничиваются общенаучной методологической базой. Создаваемая же философская секция будет заниматься вопросами общего мировоззрения, а не специфическими приложениями диалектики к области естественных или общественных наук.

Был утверждён кадровый состав секции. В бюро секции вошли А.М. Деборин (заведующий), К.К. Милонов (учёный секретарь), И.К. Луппол, Я.Э. Стэн, А.Я. Троицкий. На первом заседании бюро были образованы подсекции: диалектического материализма, исторического материализма, философии естествознания.

А.М. Деборин и К.К. Милонов редактировали философский отдел «Вестника Коммунистической академии».

---

¹ Архив РАН. Ф. 355. Оп. 1а. Д. 1.

² Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 89.

Организационная победа «диалектиков» над «механистами» была закреплена изменениями в редколлегии журнала «Под знаменем марксизма». В 1927 г. была сформирована новая редколлегия этого центрального философского журнала, включавшая А.М. Деборина, А.А. Максимова, Я.Э. Стэна и А.Я. Троицкого. При распределении обязанностей между членами редколлегии А.М. Деборин взял на себя актуальные проблемы философии и диалектического материализма, исторического материализма, современной философии. Я.Э. Стэну были поручены темы о Ленине и ленинизме, историческом материализме, теоретической экономии, теории советского хозяйства, диалектики естествознания. А.Я. Троицкому – исторический материализм, психология, история социализма, культура и искусство, библиография, переписка с читателями, сообщения и заметки. А.А. Максимов занимался диалектикой естествознания¹.

На заседании Президиума Комакадемии 19 февраля 1927 г. А.М. Деборин изложил основные тезисы проекта Положения о философской секции². Положение было утверждено. Возник вопрос о том, кто из членов Президиума Комакадемии хотел бы работать в секции. Выразили желание экономист Е.А. Преображенский, историк Д.Б. Рязанов, математик О.Ю. Шмидт, а также А.К. Тимирязев. В число членов секции Е.Б. Пашуканис порекомендовал включить И.П. Разумовского, а В.П. Милютин – П.Ф. Сапожникова и Л.И. Аксельрод.

Обсуждались организационно-техническая сторона работы секции. По смете на канцелярские расходы секции было отпущено 400 рублей, на которые приобретались шкаф и стол. Управление делами Комакадемии не спешило снабжать секцию, и В.П. Милютин пообещал изыскать ресурсы. Острой была проблема комнаты, которую должны были выделить, как только из здания выедут курсы марксизма.

А.М. Деборин настойчиво потребовал выписывать для секции литературу, прежде всего, сочинения классиков и периодику, вообще, текущую философскую литературу на всех языках и зарубежные книжные новинки. Но на это нужны были деньги. Е.А. Преображенский отметил жалкое положение с философской литературой в библиотеке Комакадемии: нет полного собрания сочинений Гегеля, полных комплектов многотомных изданий. Он предложил комплектовать создаваемый философский кабинет библиотеки за счёт дублетов из Института Маркса и Энгельса. Директор этого Института Д.Б. Рязанов охарактеризовал положение с укомплектованностью библиотеки своего Института: на хранении 15 000 книг, лучший в Европе подбор литературы по истории философии. Он сказал, что готов пойти на некоторое перераспределение, сосредоточивая текущую литературу в Комакадемии, а

---

¹ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 589. Оп. 3. Д. 1806. Т. 2.

² Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 91.

историческую – в ИМЭ. При этом, однако, Д.Б. Рязанов посчитал необходимым снизить планку требований секции: выписывать не все зарубежные философские журналы, а только известные в научном мире, номенклатуру их ограничить английскими, французскими, американскими и немецкими журналами, предварительно выяснить, сколько в среднем выходит книг по философии и не заказывать дорогие первые издания. Было решено подобрать для секции философскую литературу, имеющуюся в библиотеке Комакадемии, и передать ей все дублиеты из Института Маркса и Энгельса.

Ещё интереснее обсуждение планов работы, из которого хорошо видно, как А.М. Деборин мыслил перспективы секции. Он намечал сделать её центром объединения философских марксистских сил, главным образом, молодых, не только для Москвы, но и для провинции. Он сообщил, что получает обращения из Киева, Казани, Ленинграда, Саратова и других городов, с предложениями создавать ячейки секции на местах.

И далее, А.М. Деборин развернул перед членами Президиума стратегию развития философских научно-исследовательских структур: «Имеется ряд учреждений, которые ведут параллельную философскую работу, и в этих учреждениях сидят одни и те же лица. Перед нами стоит вопрос об объединении этой работы, и мне представляется, что желательнее было бы объединить эту работу в Коммунистической академии. Я веду, например, Институт научной философии РАНИОН, где одновременно проводится и учебная и научно-исследовательская работа. Есть ещё кабинет философии при Институте Маркса и Энгельса. Везде руководитель – Деборин». Совершенно очевидно, что создание секции было для А.М. Деборина промежуточной мерой в создании единого Института философии. Секция только что образована, а А.М. Деборин уже ставит вопрос о слиянии секции и Института научной философии РАНИОН.

В числе важнейших задач секции А.М. Деборин назвал издание философских первоисточников. Первоисточники классиков марксизма издаёт ИМЭ. Но работа по изданию философских классиков пока не поставлена: «К сожалению, Платона не выпускают; прекратили, как раз, на “Государстве”, то есть на том сочинении, которое является чрезвычайно важным со всех точек зрения»¹. Философская секция должна приступить к широкой историко-философской работе, изданию философских классиков. Основное внимание, разумеется, было уделено классикам материализма, многие сочинения которых невозможно было издать в России до революции. Под редакцией А.М. Деборина выходили серии «Библиотека атеизма» и «Библиотека материализма», в которых были изданы К.А. Гельвеций, Т. Гоббс, П.А. Гольбах, Д. Дидро, Ж.-О. Ламетри, Ж. Мелье, Дж. Толанд, Л.А. Фейербах. А.М. Деборин сообщил Президиуму Комакадемии, что этой частью работы секции будут заниматься И.К. Луппол и

---

¹ Речь идёт о незавершённом пятнадцатитомном собрании сочинений Платона, выходившем в 1920-е гг.

В.Ф. Асмус (из Киева). Очевидно, А.М. Деборину принадлежала инициатива в переезде В.Ф. Асмуса в Москву как нужного специалиста по истории философии.

Второе важнейшее направление работы секции, согласно А.М. Деборину – разработка материалистической диалектики и критика «механистической» концепции. Крайне характерно то, в каком ракурсе предполагал он решать эту задачу: через «разработку диалектики “Капитала”, потому что с марксистской точки зрения она – только в “Капитале”, внутреннее методологическое построение “Капитала”, что составляет большую работу, и что, в значительной степени, является книгой за семью печатями для большинства марксистов ещё по сей день. Иначе не было бы у нас целого ряда течений, которые мы наблюдаем сейчас». Это – чрезвычайно глубокое и тонкое замечание, которое свидетельствует о верном понимании А.М. Дебориным материалистической диалектики, и потребностей её развития как метода. В этом смысле, он был прав, квалифицируя взгляды «механистов» как позитивистские, немарксистские. Напрашивается поразительная аналогия между задачами, которые ставил перед соратниками-марксистами А.М. Деборин, и развившимся в 1950-е – 1960-е годы движением исследования диалектики «Капитала», которое связано с именами А.А. Зиновьева, Э.В. Ильенкова, В.А. Вазюлина и др. И тогда философская суть марксизма продолжала оставаться для многих такой же «тайной за семью печатями», как и в 1920-е годы, и исследователи слышали от ревнителей материалистической чистоты те же обвинения в «гегельянщине» и «идеализме». Исследования диалектики «Капитала» 1950-х – 1960-х годов были наиболее ярким проявлением трудного возрождения творческой философской мысли и стали своеобразным советским вариантом неомарксизма. Во многом они были новаторскими по сравнению с западными аналогами. Но, документы показывают, что ренессанс творческого диалектического марксизма мог состояться на отечественной почве значительно раньше. Соратники А.М. Деборина были людьми убеждёнными, теоретически подготовленными и талантливыми. Всё это могло бы состояться, если бы процесс не был насильственно прерван, а философы физически уничтожены.

Работа философской секции Коммунистической академии продолжалась около двух лет. За это время число действительных членов секции пополнилось М.М. Фурщиком. Членом секции стал также С.Я. Бобинский, старшим научным сотрудником в октябре 1927 г. стал Д.Ю. Квитко, специалист по современным направлениям англо-американской философии; в качестве младшего научного сотрудника был принят аспирант Института научной философии РАНИОН Б.М. Стычкин, который в ноябре 1928 г. был заменён В.К. Брушлинским. Техническим секретарём секции работала З.М. Конусова¹. В её обязанности входило вести делопроизводство и переписку. В частности, она рассылала

¹ Архив РАН. Ф. 355. Оп. 3. Д. 7.

членам секции запросы о том, на какую тему и когда те могут сделать доклад в секции.

11 марта 1927 г. состоялось официальное открытие философской секции. Во вступительной речи зам. председателя Президиума Комакадемии В.П. Милютин «указал на важность философского фронта в современных условиях и отметил основные задачи секции по борьбе с извращениями марксизма». Затем был заслушан трёхчасовой доклад А.М. Деборина о философии Спинозы, посвящённый 250-летию со дня рождения мыслителя. Сообщив ряд новых материалов о Спинозе, А.М. Деборин подробно очертил основы его философского мировоззрения и расценил его как предшественника материализма Маркса и Энгельса¹. Доклад А.М. Деборина был открытым для слушателей, которых собралось 286 человек. «Открытые» доклады привлекали аспирантов РАНИОН, студентов 2-го МГУ, а также преподавателей вузов.

Юбилею Спинозы было посвящено ещё два доклада, прочитанных в секции. 1 апреля 1927 г. А.М. Тальгеймер выступил с открытым докладом (на немецком языке) на тему «Соотношение классов и классовая борьба в Нидерландах при жизни Спинозы» перед 104 слушателями. Доклад Г.Ф. Дмитриева «Спиноза и механистическое миропонимание» был прочитан на закрытом заседании 19 мая 1927 г.² Интерес «диалектиков» к философии Спинозы легко объясним. Дело, конечно, не в юбилейной дате, а в том, что сторонники А.М. Деборина видели в ней, при соответствующей марксистской интерпретации, мощное оружие против механистов.

По сохранившимся протоколам можно проследить, чем занимались работники секции. Научные сотрудники, которые, большей частью, перешли из секции научной методологии, завершали прежние темы и принимались за новые. На заседании 12 апреля 1927 г. научные сотрудники доложили о результатах своих работ. К.К. Милонов, подготовив работу о диалектике Маркса в «Капитале» переключился на актуальную в борьбе с механистами тему «Ленин и механистическое миропонимание». Ф.Е. Тележников занимается проблемой причинности и сделал 21 апреля в секции научной методологии доклад о социологическом учении Э. Дюркгейма. И.Я. Вайнштейн, заканчивает работу «Ленин и Гегель» и занимается вопросами о взглядах механистов в политэкономии, о логике бесконечного. С.Я. Бобинский – темой о противоречивости общих понятий, в частности, о категории противоречивости у Аристотеля. Г.Ф. Дмитриев занимается темой об основных типах философских построений. Принято решение издать работу М.А. Дынника «Диалектика Гераклита Эфесского».

К десятилетию Октябрьской революции наметили подготовить юбилейный сборник и издать библиографический указатель философской

---

¹ Архив РАН. Ф. 355. Оп. 1а. Д. 7.

² Архив РАН. Ф. 355. Оп. 1а. Д. 5.

литературы за десять лет. Было решено просить киевского профессора Я.С. Розанова взять на себя составление этого указателя. Можно без преувеличения сказать, что проделанная Я.С. Розановым библиографическая работа представляет собой настоящий подвиг перед отечественной философией, совершенно не оценённый в историко-философской литературе. Сохранилась переписка между Я.С. Розановым и техническим секретарём секции З.М. Конусовой, из которой явствует, как в муках рождался этот фундаментальный труд. Не имея возможности останавливаться здесь на подробностях её, скажем главное – без библиографических указателей Я.С. Розанова по истории отечественной философии первых трёх десятилетий XX века невозможно серьёзное изучение становления советской философии.

Во второй половине 1927 г. главным в работе секции было организационное обустройство, распределение сил по подсекциям, привлечение новых сотрудников. Выявился интерес к работе секции со стороны учреждений и отдельных лиц; в секцию обращались за научной информацией, материалами, присылали на отзыв отдельные работы (причём, не только из Москвы). Например, уже 16 марта 1927 г. бюро кафедр общественных наук Московского института инженеров транспорта просило об абонементе для постоянного участия в открытых заседаниях секции, чтобы улучшить научно-исследовательскую работу и занятия с аспирантами в области научной методологии, и выразило готовность оплачивать связанные с этим расходы¹.

Приступили к выделению в библиотеке Комакадемии научного кабинета, литература для которого, пока что, комплектовалась за счёт дубликатов из библиотеки Института Маркса и Энгельса.

На заседании 28 сентября 1927 г. А.М. Деборин и К.К. Милонов выступили с сообщением о налаживании связей секции с кафедрой марксизма Всеукраинской АН. Было признано весьма желательным установить тесные связи секции с иногородними учреждениями соответствующего профиля, включая обмен информацией и частичную передачу выполнения плана работ секции в провинциальные учреждения. В первую очередь, имелись в виду научные учреждения Киева, Харькова, Ленинграда и Казани. Присоединение к секции Комиссии по изучению религиозной идеологии признано нежелательным (это повело бы к ломке формирующейся структуры секции). Принято решение издать подготовленную Я.С. Розановым философскую библиографию.

На том же заседании были распределены темы научных работ между действительными членами секции по основным направлениям: общепhilософскому, теории диалектики, исторического материализма, философии естествознания, критики ревизионизма. Темы распределились следующим образом – А.М. Деборин: «Основы материалистической

---

¹ Архив РАН. Ф. 355. Оп. 1а. Д. 7. Л. 3.

диалектики», К.К. Милонов: «Против механистического миропонимания», А.Я. Троицкий: «Диалектика у Ленина и Плеханова», Я.Э. Стэн: «Критика механистических взглядов Ж. Лёба», В.Ф. Асмус: «Формальная и диалектическая логика». Н.А. Карев должен был заняться философскими взглядами Ленина, И.П. Разумовский – вопросами этики, А.А. Максимов проблемой закона, М.Л. Левин проблемой деятельности в биологии, Б.М. Гессен случайностью и необходимостью в физике, И.К. Луппол современным ревизионизмом, а Г.К. Баммель подвести итоги философского развития в стране за 10 лет.

Был заслушан ряд закрытых докладов. 20 октября 1927 г. состоялся доклад Г.Ф. Дмитриева «Идеализм и материализм», 27 октября – прения по докладу, а 3 ноября – окончание прений и заключительное слово докладчика. 8 декабря 1927 г. В.Ф. Асмус выступал с докладом «Диалектика в системе Декарта», а 15 декабря – Г.Ф. Дмитриев с содокладом. 12 января 1928 г. И.Я. Вайнштейн выступал по теме «Пролетарская революция и логика бесконечности», 26 января – И.П. Разумовский делал доклад «Новая работа Маркса о Гегеле», о рукописи «К критике гегелевской философии права», которая была только что впервые опубликована.

Для сплочения коллектива и налаживания научно-исследовательской работы было решено приступить к созданию «Философского словаря». Предложение об этом секция внесла в Президиум Комакадемии. Президиум утвердил организационную комиссию «Философского словаря» в составе А.М. Деборина, Я.Э. Стэна, А.Я. Троицкого, Н.А. Карева, В.Ф. Асмуса, М.Л. Левина, И.П. Разумовского, И.К. Луппола, К.К. Милонова. Позже этот замысел трансформировался в идею создания «Философской энциклопедии».

Обзоры для ЦК ВКП(б) как инструмент философской борьбы

На заседании философской секции 1 ноября 1927 г. К.К. Милонов сетовал на то, что действительные члены секции слабо связаны между собой, плохо посещают секционные заседания и не проявляют активности в выполнении заданий Отдела печати ЦК ВКП(б). В число этих заданий входило составление обзоров об итогах философских дискуссий, о философской литературе, выпущенной частными издательствами и антимарксистской философской литературы. Например, В.Ф. Асмусу 4 ноября поручили делать для ЦК обзор антимарксистской философской литературы. Обзор философской продукции частных и кооперативных издательств за 1927 г., действительно, был составлен, но фамилия автора в документе отсутствует. Это мог сделать, скорее всего, сам К.К. Милонов.

Трудно сказать, от кого исходила инициатива в постановке секции указанных партийных заданий. Имело место определённое совпадение

интересов. Как партийное руководство, так и группа А.М. Деборина стремились к полному идеологическому контролю за философской издательской продукцией. В условиях нэпа это было непросто сделать: функционировали частные издательства, философы-идеалисты могли выпускать свои книги за счёт средств автора. На проверенных марксистов, поэтому, возлагалась обязанность отслеживать явные «идеологические диверсии», чтобы удары по идейным противникам могли наноситься целенаправленно. Вместе с тем, у А.М. Деборина и его соратников был свой, специфический интерес, связанный не только с борьбой против идеалистов, но и против тех, кто иначе, чем они, понимал марксизм. В посылаемых в ЦК ВКП(б) обзорах философских дискуссий можно было представить своих философских противников-марксистов как ревизионистов, которые должны быть разгромлены не только идейно, но и организационно. Нужно сказать, что подобная деятельность привлекала далеко не всех сторонников А.М. Деборина. Тому, кто серьёзно изучал фундаментальные теоретические проблемы, не с руки было заниматься «информированием» ЦК. А вот, К.К. Милонов, проявивший себя, в основном, на ниве критики идейных противников деборинской группы и в организационной работе, активно писал в ЦК и побуждал других к тому же. По форме его обзоры были информационными записками, по сути – попыткой использовать политические рычаги в борьбе с оппонентами. Вне зависимости от того, кого считать более правым в дискуссии по существу, «диалектиков» или «механистов» – а дискуссия, несмотря на идеологизированную оболочку, была действительно философской, серьёзной, и подняты были проблемы, в чём-то нерешённые и до сих пор, подобное «информирование» не может вызвать ничего, кроме неприятия. Правда, справедливости ради, следует заметить, что у тех, кто спустя ряд лет будет громить самих деборинцев, форма сольётся с сутью, и журнальную статью, докладную записку и донос в НКВД будет уже невозможно отличить друг от друга.

Итак, вот каким выглядел тенденциозный «Обзор итогов философских дискуссий», направленный К.К. Милоновым в Отдел печати ЦК ВКП(б) в июне 1927 г.¹ «Споры о марксистской диалектике, - писал К.К. Милонов, - вызвали разделение русских марксистов на два враждующих и непримиримых лагеря». После столь безнадёжной оценки, исключая возможность позитивной совместной работы русских марксистов, большая часть письма посвящена обличению «механистов». Перечислив наиболее активных «механистов» (И.И. Скворцов-Степанов, Л.И. Аксельрод, А.К. Тимирязев, С.С. Перов, Г.Г. Боссэ, И.Е. Орлов, А.З. Цейтлин, А.И. Варьяш, С.Ф. Васильев), составитель докладной записки перешёл к более волнующему его вопросу: о возможности механистов публично выражать свои взгляды. С радостью констатируя, что «регулярно выпускаемого журнала это направление не имеет», К.К. Милонов указал на то,

¹ Архив РАН. Ф. 355. Оп. 1а. Д. 7. Л. 12-17.

что «механисты» пользуются неперiodическими сборниками Государственного НИИ имени К.А. Тимирязева «Диалектика в природе», выпускаемыми вологодским издательством «Северный печатник». Книги И.И. Скворцова-Степанова публиковал Госиздат, а С.Ф. Васильева – издательство «Прибой», но несмотря на такой криминал, на основе этих фактов, конечно, «нельзя судить о всей философской продукции этих издательств». «Однако, до последнего времени механисты имели возможность более или менее широко использовать трибуну журнала «Под знаменем марксизма», поскольку до начала 1927 г. имели своё большинство в редколлегии (И.И. Скворцов-Степанов, А.К. Тимирязев, М.Н. Покровский против А.М. Деборина и Н.А. Карева).

«Редакция журнала «Вестник Коммунистической академии», состоящая из ответственных товарищей, - писал далее К.К. Милонов, - фактически не имеет возможности руководить журналом, что обеспечивало механистам достаточно большое количество печатных листов». Весь пафос К.К. Милонова направлен на то, чтобы ЦК ВКП(б) посредством административных мер «навёл порядок» в издательствах и журналах, где «кто-то кое где у нас, порой», продолжал предоставлять «механистам» печатные листы.

Чем же так опасна, по мнению К.К. Милонова, эта ветвь русских марксистов? Не вдаваясь в философские тонкости, К.К. Милонов сразу переходит к главному. «"Заслугой" механистического направления является то, что оно сгруппировало вокруг себя многие антимарксистские силы». В чём же это выразилось? Оказывается, «в 1926 г. на чествовании 25-летней научной деятельности Л.И. Аксельрод в Государственной академии художественных наук выступал известный идеалист Г.Г. Шпет и говорил, что его почти ничто не отделяет от марксиста Аксельрод-Ортодокс. На этом же чествовании раздавались голоса о необходимости допустить "свободу критики", которые в 1927 г. раздавались и на съезде Союза научных работников». Действительно, между Аксельрод и Шпетом, вместе работавшими в Институте научной философии РАНИОН, существовало взаимопонимание¹, которое, вряд ли, бы возникло у Шпета с «диалектиками». Но Милонов ставит всё с ног на голову – по сути, обвиняет Аксельрод в переходе на идеалистические позиции, которым «свободы критики» предоставлять никак нельзя. Досталось от К.К. Милонова и учёным, «примкнувшим к механистам». Один из них, известный физиолог А.Ф. Самойлов, выступивший с механистической интерпретацией философии биологии, «открыто критикует Энгельса». Другой – С.Ю. Семковский, как старый меньшевик и двоюродный брат Л.Д. Троцкого, был по определению, уязвим. К.К. Милонов пишет, что С.Ю. Семковский, «обвинявший всех, занимающихся философией марксизма, схоластами, и оставшийся, как был прежде, позитивистом, выпускает в настоящее время первый номер журнала

---

¹ Коган Л.А. Непрочитанная страница // Вопросы философии. 1995. № 10.

«Прапор марксiзму», где в одной из статей критикует Плеханова». По системе взглядов деборинцев, то было страшным преступлением.

Вышедший в 1927 г. второй сборник статей «механистов» «Диалектика в природе», по мнению К.К. Милонова, свидетельствует о «расколе» среди «механистов». Авторы сборника – С.Ф. Васильев, И.М. Великанов, Л.М. Рубановский, Ф.М. Перельман «признают значение философии, отмежевались от абсолютного отрицания философии И.И. Скворцовым-Степановым, хотя и не отмежёвываются от самих И.И. Скворцова-Степанова и А.К. Тимирязева. Под влиянием критики механисты увидели необходимость признать диалектику. В ряде статей второго сборника “Диалектика в природе” говорится о необходимости изучения Гегеля. Но, по сути дела, они остались на почве своих старых взглядов».

К.К. Милонов сообщает и об «обмене любезностями» между И.И. Скворцовым-Степановым и контролировавшимся деборинцами Обществом воинствующих материалистов. 7 января 1927 г. Общество приняло резолюцию, выдержанную в духе позиции деборинцев¹. В ответном открытом письме И.И. Скворцов-Степанов заявил, что ОВМ «ревизует ленинизм»². Президиум ОВМ в «Ответе тов. И.И. Скворцову» вернул это обвинение, и отметил, что «механистическое направление имеет ещё возможность зацепляться за некоторые, для всех вполне выясненные теоретические проблемы»³.

«Борьбу с механистами как с очередной формой ревизионизма, - писал К.К. Милонов, - вела и ведёт “школа Деборина”, т.е. марксисты-диалектики, работающие под руководством А.М. Деборина. Группа эта сплотила вокруг себя сравнительно большой кадр молодёжи, главным образом, членов партии, и даже беспартийной профессуры, близкой Советской власти». Интересна оценка персонального состава ядра этой группы – в полном смысле слова «из первых рук». К.К. Милонов даёт следующее перечисление: А.М. Деборин, И.К. Луппол, А.Я. Троицкий, Я.Э. Стэн, П.Ф. Сапожников, Н.А. Карев, И.Я. Вайнштейн, К.К. Милонов. «К ним примыкают в качестве ближайших сотрудников: В.Ф. Асмус, Я.С. Розанов, Г.К. Баммель».

«До последнего времени группа выступала как единое целое. Однако в связи с внутривнутрипартийным уклоном (“новая оппозиция”) в рядах этой группы уже не замечается прежнего единства, хотя по философской линии выдерживается, в общем и целом, единый фронт». Это интересное замечание. Вопрос о политических взглядах соратников А.М. Деборина требует специального исследования. Карев и Сапожников были впоследствии репрессированы как бухаринцы, другие «диалектики» симпатизировали взглядам «левой» оппозиции, тот же Стэн, хотя и выступал против троцкистов,

---

¹ Под знаменем марксизма. 1926. № 12.

² Под знаменем марксизма. 1927. № 2-3.

³ Под знаменем марксизма. 1927. № 4.

придерживался достаточно радикальных воззрений. Так или иначе, многие лидеры «диалектиков» были людьми политизированными и активно участвовавшими в политике, а некоторые играли видную роль в партии. Были и аполитичные люди, подобно В.Ф. Асмусу. А.М. Деборин, с его меньшевистским прошлым, был достаточно осторожен в выражении политических симпатий.

Помимо освещения «разборок» с «механистами», К.К. Милонов выполнил в направленном в ЦК ВКП(б) обзоре и свою прямую обязанность – информировать о философской литературе идеалистов. Он пишет: «Текущий год дал образцы частичного возрождения идеализма: А.Ф. Лосев, «Античный космос и современная наука» (издание автора), с чисто геллертерскими примечаниями, ссылками, обзорами. Появление этой книги сигнализирует известную опасность: оживление в рядах интеллигенции мистических настроений. Автор якобы хочет показать историческое развитие диалектики, но, фактически, всюду проповедует самый открытый мистицизм». В качестве антимарксистских изданий К.К. Милонов назвал также изданный за счёт авторов сборник «Пути реализма», в котором участвовал П.С. Попов, и книгу Б. Рудаева «На путях к материализму XX века».

В декабре 1927 г. К.К. Милонов направил в Отдел печати ЦК ВКП(б) вторую записку об итогах философских дискуссий за 1927 год¹. В записке К.К. Милонов прямо квалифицировал воззрения И.И. Скворцова-Степанова и других механистов, которые «приравнивали философию к конечным выводами естественных наук» и «превращали диалектику в систему механистических взглядов» как ревизионизм: «В группировке механистов мы имеем дело с самым доподлинным ревизионизмом, а не только с “законным оттенком” в рядах марксистов, как думают некоторые». Поневоле вспоминается ставшая символом трагического времени сакраментальная фраза рапповца В.М. Киршона об А.Ф. Лосеве «За такие оттенки надо ставить к стенке», и поставленного, спустя немного времени, к стенке по политическому доносу тех, кто тем же способом погубили и деборинцев.

К.К. Милонову бросить «механистам» идеологическое обвинение в том, что они представляют собой «советскую форму ревизионизма» было тем удобнее, что относительно недавно была опубликована рукопись Ф. Энгельса «Диалектика природы», многие положения которой не соответствовали взглядам «механистов». К.К. Милонов подвёл под своё обвинение не только теоретическую, но и историческую базу, возведя учение механистов ко взглядам А.А. Богданова и других философских оппонентов В.И. Ленина в рядах русской социал-демократии и найдя в них «врождённые элементы богдановщины». Основания утверждать факт подобной идейной преемственности действительно имелись. И в воззрениях А.А. Богданова, и в воззрениях механистов, несмотря на все их заверения в приверженности диалектическому материализму,

---

¹ Архив РАН. Ф. 355. Оп. 1а. Д. 2.

присутствовала сильная позитивистская струя. «Богдановщина, воспринимавшаяся многими как наиболее правильное выражение марксизма, - пишет К.К. Милонов, - была главнейшим ревизионистским направлением в русской марксистской философии. Из обломков богдановщины растут и персонально, и теоретически, те искажения марксизма, против которых должны объявить войну марксисты-диалектики».

Несмотря на эти, в целом, справедливые утверждения, записка К.К. Милонова далека от научной объективности, и представляет собой набор идеологических обвинений, жестокие приёмы которых впоследствии будут обращены против самих деборинцев. Когда читаешь, как К.К. Милонов, прозрачно намекая на И.И. Скворцова-Степанова, пишет, что «механисты» «прикрытые авторитетом некоторых видных членов партии, собрали вокруг себя многое из того, что не было физически уничтожено революцией», вспоминаешь о трагической иронии истории. В стремлении расправиться с оппонентами, деборинцы, прямо по пословице, «вырыли» себе яму. Не поможет им впоследствии и партийный авторитет некоторых видных участников направления, и почти все они будут признаны подлежащими физическому уничтожению как враги марксизма и революции.

К.К. Милонов выдвинул целый ряд идеологических аргументов, направленных на дискредитацию «механистов»: он обнаружил «идеализм» в марксистских взглядах «блокирующегося» с «механистами» А.И. Варьяша, далее – к «механистам» «примыкают» представители «самой грубой, неприкрытой буржуазной теории – фрейдизма». Использует он и такой эффективный в идеологизированном обществе приём дискредитации, как действительная, либо мнимая солидарность отечественных и, особенно, зарубежных «врагов» с оппонентами, которых подвергают критике. К.К. Милонов пытается доказать совпадение взглядов «механистов» с позициями теоретиков западной социал-демократии и даже митрополита А.И. Введенского, причём делает это не на основе первоисточников, а ссылаясь на авторитет соответствующих мест из работ А.М. Деборина.

Но этим арсенал приёмов дискредитации не ограничивается. И К.К. Милонов высказывает прямое политическое обвинение «механистов» в «троцкизме»: «Механистская группа философски обосновывает то, что политически выражается в наших условиях в виде троцкизма. Как было доказано ещё Н.И. Бухариным, троцкизм характеризуется формально-логическим, механистическим методом. А докладчик ЦК т. Сталин на XV партконференции посоветовал оппозиции получше изучать диалектику». В 1927 г. использовать эту идеологическую «дубину» в чисто философском споре, значило хорошо чувствовать тенденции развития общественного сознания. Повернись всё иначе, и за этими обвинениями последовали бы административно-уголовные меры. Вскоре осудить философскую работу,

обнаружив по любому поводу в её тексте «троцкизм», станет обычным делом. И «троцкизм» найдут, как раз, у деборинцев. Они сами накликали на себя беду, стремясь привлечь внимание партийного руководства и использовать его «административный ресурс» в философской борьбе. К.К. Милонову казалось недостаточным наличие в руках деборинского философского руководства «ряда решающих организаций и печатных органов (философская секция Коммунистической академии, Институт красной профессуры, Институт научной философии РАНИОН и журналы “Под знаменем марксизма”, “Вестник Коммунистической академии”, “Революция и культура”»)). Он убеждён, что «с задачей марксисты-философы смогут справиться лишь при наличии большего, чем прежде, внимания со стороны партии и её органов к этому участку борьбы и строительства». Когда же «партия и её органы», разобравшись с другими «участками борьбы и строительства», обратились к философии, было покончено с атмосферой относительно свободных дискуссий, а инициаторы обращения, марксисты-философы, были физически уничтожены. Марксистская философия превратилась в служанку идеологии, «вульгату», совокупность ритуальных формул.

Завершая свой «обзор», К.К. Милонов пишет, что «надеется на новом этапе борьбы на быстро растущий кадр марксистско-ленинских сил», не подозревая, что именно «кадр» этих «сил» «свалит» самих деборинцев. Деборинцам не хватило в выдвижении своих обвинений именно того, что было принято называть «политической заострённостью». Они ещё применяли политические обвинительные формулы в борьбе со своими философскими противниками, вместо того, чтобы обращать их против всякого, на кого укажет сверху «хозяин». В этом отличие между деборинским философским руководством, и сменившим его философским руководством из числа пресловутого «кадра» во главе с М.Б. Митиным. Первые поступали подчас, без сомнения, недостойно, но пока ещё оставались в рамках научно-философского спора.

Ответственность А.М. Деборина состоит в том, что он не пресекал, смотрел сквозь пальцы, а то и брал под защиту тех своих приверженцев, кто использовал этически неприемлемые методы идейной борьбы: политические доносы, ругань и измышления, административное подавление оппонентов. Но вот парадокс, который, впрочем, легко объясним. Именно те из деборинцев, кто, стремясь выслужиться, применял недостойные методы полемики (В.П. Егоршин, А.А. Максимов, К.К. Милонов, Б.М. Стычкин), быстро сориентировались, и ещё до заседания Президиума Комакадемии в октябре 1930 г. предали своего учителя и оказались в первых рядах его хулителей. Главным для них оказалось – служить новой силе.

Записки К.К. Милонова в ЦК ВКП(б) содержат восторженно преувеличенные эпитеты в адрес А.М. Деборина как ведущего советского

философа, защитника ортодоксального марксизма, работы его Милонов цитирует наравне с классиками марксизма. На октябрьском заседании Президиума Комакадемии в 1930 г. выступление Милонова по своей разнузданности превзошло выступление Митина. Он бросал Деборину такие политические обвинения, на которые даже Митин ещё не мог позволить себе пойти. Он заявил, что речь Деборина на этом заседании была «антипартийной речью», что Деборин и те «его ближайшие ученики, включившиеся в так называемое философское руководство», «судя по всему хотят продолжать делать большие ошибки», что они ничем не отличаются «от злых врагов марксизма, ленинизма и коммунистической партии»¹. Милонов вновь выступил в роли политического доносчика, только теперь обратил её против своих товарищей по деборинскому философскому руководству. Ведь «оно стало думать, что философия в СССР существует как некая самостоятельная сущность, как то, что не имеет над собой никакого глаза, как то, что может развиваться независимо от тех задач, которые стоят перед партией». Милонов прямо транслирует измышления в адрес Деборина, идущие от Сталина, будто Деборин хочет быть в СССР заместителем Маркса и Энгельса, пытается «поучать партийное руководство тому, как надо было бы вести себя с точки зрения “философии”». В надежде встроиться в новое философское руководство, Милонов объявляет немарксистскими те работы Деборина, которые два года назад объявлял эталоном марксизма – ведь *теперь* Деборин «борется против правильной линии» и даёт «совершенно неправильную установку». Он считает нужным «указать этим товарищам, что философия в настоящий момент играет роль партийного оружия», «и партийные органы теперь будут иметь под своим наблюдением философский фронт, что вне этого глаза, вне этого постоянного контроля дальнейшее плодотворное развитие философии диалектического материализма, конечно, происходить не может»². Предав Деборина, Милонов, надо признать, остался верен своей роли информатора партийных органов.

Крайне характерно, что в «момент истины» при разгроме деборинцев в лагере разоблачителей оказались именно те бывшие представители этой школы, кто в своё время особо отличился на ниве административного зажима неудобных философских взглядов.

Подведение «диалектиками» итогов развития философии в СССР за десять послереволюционных лет

Публичной презентацией философской секции Комакадемии как нового центра философской жизни стало состоявшееся 24 ноября 1927 г. торжественное собрание секции, посвящённое десятилетию революции, в

---

¹ Вестник Коммунистической академии. 1930. № 40-41. С. 62.

² Там же. С. 63.

котором участвовало 123 человека. Доклады сделали А.М. Деборин, И.К. Луппол и Г.К. Баммель¹. Это заседание было призвано подвести итоги десятилетнего развития советской философии таким образом, чтобы утвердить победу «диалектиков» не только как ведущего, но и истинно марксистского философского направления в СССР. Все три доклада весьма показательны для характеристики состояния философской жизни страны и задач, которые ставились философами секции и будущего Института философии.

Говоря о развитии философии в СССР за десять лет, А.М. Деборин сопоставил отношение к философии в первые годы после революции и ныне: от антифилософского нигилизма, от отрицания философии в марксизме, к налаживанию систематических философских исследований и подготовке кадров по философии. В этом была, несомненно, большая заслуга А.М. Деборина и его соратников. За эти годы им пришлось преодолевать целый ряд «атак» на философию и на теоретическое мышление вообще (в числе их А.М. Деборин назвал «богдановщину», Пролеткульт, «мининщину», «енчменизм», отрицание идеологии, имея ввиду взгляды А.А. Богданова, С.К. Минина, Э.С. Енчмена, В.В. Адоратского и др.). Докладчик обнаружил несомненную преемственную связь между данными антифилософскими выступлениями и «механистическим» движением, принижавшим значение философской методологии. Между тем, необходимо проникновение диалектико-материалистического метода в естествознание, что оплодотворяло бы теорию отдельных дисциплин, вызывало бы их взаимодействие и оказывало бы обратное влияние на развитие диалектического материализма.

И.К. Луппол выделил три этапа в десятилетнем периоде развития философской мысли в СССР (1917 – 1921; 1921 – 1923; с 1923). В 1917 – 1921 гг. не было возможности плодотворной работы в области философии; то были годы «вооружённой защиты прав на изучение и дальнейшее развитие диалектического материализма». Занимались, в основном, переизданием классической марксистской литературы – Маркса, Энгельса, Плеханова, и приобщением широких масс к освоению диалектического материализма. «Начисто должна была быть сметена, и иначе не могло и быть, та философия, которая укоренилась у нас в стенах духовных академий, должна была быть ликвидирована, должна была быть сметена та философия, то философское направление, которое почему-то выдавалось за национально-русское, и которое представляло собою религиозно-философскую мистику соловьевской школы, которая в последнее время блокировалась с западноевропейским интуитивизмом». Сожалеть об участии этой философии у марксистов, которых систематически преследовали за их философские взгляды при царском режиме, журналы закрывали, а книги запрещали, не было никаких оснований. Задача устранения идеалистической философии облегчалась тем, что «читатели и

---

¹ Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 129.

почитатели идеалистической философии» добровольно, либо вынужденно эмигрировали. Оживление в лагере идеалистов было связано лишь с созданием Вольного философского общества. Тогда же были созданы журнал «Под знаменем марксизма», Институт научной философии МГУ, философское отделение в Институте красной профессуры.

С конца 1921 г., считает И.К. Луппол, «материалистическая философия делает довольно быстрые и довольно крупные успехи», что было связано «с необычайно упорной работой марксистов и необычайным энтузиазмом учащейся молодёжи». И.К. Луппол говорил об этом по собственному опыту; именно в это время он начал учиться на философском отделении ИКП, выпустившим под руководством А.М. Деборина целую плеяду ярких философов. И.К. Луппол сказал и о другом важном деле, к которому имел прямое отношение – издании классиков материализма. «До 1905 года на русском языке материалисты появлялись как чрезвычайно редкий «цветок», чрезвычайно редкое явление. После 1905 года в этом отношении кое-что изменилось, но сделано было далеко не всё. Первый долг материалистов Советского Союза заключался в том, чтобы дать русским читателям классиков-материалистов. Те новые кадры, которые пришли после Октябрьской революции к философии, в силу своего возраста, в силу других обстоятельств, объективно должно было пойти на выучку к истории своего мировоззрения. Никто не может называть себя материалистом, если он не знает истории своего мировоззрения». И.К. Луппол сам стал основным работником, который по поручению А.М. Деборина вёл большую исследовательскую работу по изданию классиков материализма, прежде всего, французских материалистов. Во Франции он работал с философскими первоисточниками по истории материализма. Им был подготовлен к изданию и с его предисловием вышли переводы «Карманного богословского словаря» П.А. Гольбаха и «Солдата-безбожника» секретаря П.А. Гольбаха Ж.А. Нежона, составлены библиографические списки к издававшимся сочинениям П.А. Гольбаха, Д. Дидро, Ж.-О. Ламетри.

Вся эта работа, в совокупности, позволила преодолеть существовавший антифилософский нигилизм и представление о том, «что марксизм есть социальная философия, по преимуществу, социальная философия». Действительно, в первой половине 1920-х гг. нередким явлением были самостоятельные учебные курсы исторического материализма, отождествлявшиеся с философией марксизма в целом. И.К. Луппол справедливо характеризует такой подход: «Это ведь ничто иное, как предрассудки». И, однако, потребовалось почти десятилетие, чтобы прийти к пониманию, что диалектический материализм осмысливает как естественные, так и социальные явления, и представляет собой методологию как естественных, так и общественных наук. Только на этой основе возможна философская помощь естествоиспытателям, что, в свою очередь, требует материалистической

разработки диалектики и изучения её «прообраза в лице диалектики Гегеля». Именно по этому вопросу наметились разногласия среди философов-марксистов, расколовшихся на эмпириков и диалектиков. «Эмпиризм, вообще, враждебен теоретическому мышлению», - отмечает И.К. Луппол. Если ранее эмпирические подходы отрицали философию, как таковую, то теперь их острота направлена против диалектики.

Борьба за диалектику составляет, по оценке И.К. Луппола, сущность текущего этапа развития философии в СССР, начавшегося с 1923 г. Появлением в 1923 г. работы А.М. Деборина «Маркс и Гегель» И.К. Луппол датировал начало третьего периода. «Именно с этого времени и начинается то, что нельзя назвать иначе, как форменной борьбой за Гегеля. Ликвидаторы философии отступили», но обнаружился раскол между марксистами-«диалектиками», и материалистами-эмпириками, к которым присоединились материалисты-естественники, составив альтернативное, «механистическое» направление. «К этому периоду относятся чрезвычайно остроумные и злые словечки, вроде “гегеличество” “гегелианская схоластика” и т.д., которыми награждала одна группа другую». «Механисты», по мнению И.К. Луппола, обнаружили довольно узкое понимание диалектики, говорили, что развитие естествознания делает ненужной диалектику, что диалектическое понимание природы и есть, собственно, её механистическое понимание. «Принципиально рассудили этот спор» сами классики марксизма: летом 1925 г. была опубликована «Диалектика природы» Ф. Энгельса, а затем «К вопросу о диалектике» В.И. Ленина, которые не оставили сомнений относительно позиций основоположников по данному вопросу. «Но это не означало окончания спора – дискуссия продолжалась». Весной 1926 г. прошла насыщенная дискуссия в Институте научной философии РАНИОН. Необычайно бурно в научной периодике обсуждались историко-философские темы: о Канте, о Спинозе, о методологии истории философии как самостоятельной отрасли знания. Во всей этой философской борьбе вопрос о диалектике был линией разделения. И.К. Луппол констатировал, что именно А.М. Деборин указал на диалектику, как на осевой пункт теоретической борьбы, и направлял соответствующим образом философский процесс: «Нужно сегодня, здесь, когда мы подводим итоги, сказать, совершенно объективно и беспристрастно, что понимание философских задач нашей эпохи обнаружено т. Дебориным. Вся тенденция его, как педагогической, так и научно-литературной деятельности, заключалась именно в подчёркивании основ материалистической диалектики, а это должно было привести и приводило к анализу, материалистической переработке Гегеля».

Г.К. Баммель остановился в своём докладе на очередных проблемах развития материалистической диалектики, как они представлялись с позиций деборинской школы. К ним он отнёс разработку диалектики не только как

метода, но и как теории, проблему конкретности понятий, применение диалектики к природе.

Он отметил, что если считать диалектику только методом, а не теорией, будет происходить отрыв диалектики от теории познания, а формы мышления будут рассматриваться не как порождение содержания, но как нечто внешнее, чуждое или равнодушное к содержанию. Ориентиром для него, таким образом, служило ленинское положение о единстве диалектики, логики и теории познания. «Механисты» же, будучи позитивистами-эмпириками, «прикрываясь» тем, что диалектика – метод, недооценивали теорию диалектики, и «самостоятельную разработку её характеризовали как схоластику». «Нам пришлось, - говорил Г.К. Баммель, - отмежеваться, во-первых, от формально-логического понимания соотношения противоположностей как двух различных видов понятий, объединённых под одним родовым понятием, во-вторых, от понимания противоречия как соотношения двух понятий, получающих то или другое значение в зависимости от того отношения, в котором находится субъект». «Задачей ортодоксальных марксистов», стало, по Г.К. Баммелю, отмежеваться от грубо-позитивистских, эмпирических толкований противоречия, дать их критику, и показать в качестве «живого нерва» диалектическое единство противоположностей. На этой основе «мы столкнулись с проблемой самодвижения, с особой силой подчёркнутой у Ленина, с проблемой имманентного возникновения различий, ибо если единство противоположностей состоит в том, что они даны не равнодушно друг другу, а даны в имманентном отношении друг к другу, даны в единстве, тождестве различий, то это ставит в иной форме и проблему движения». Свои рассуждения Г.К. Баммель проиллюстрировал современными дискуссиями в логике, математике, физике (о движении тела, которое одновременно находится и не находится в одном и том же месте, о математической теории тождества, о единстве прерывности и непрерывности пространства и пр.). Заявленная им позиция, по существу, такая же, как у Э.В. Ильенкова в дискуссии о диалектическом противоречии, когда тот подвергает критике такое «разрешение» противоречия, при котором противоположности сочетаются, как взятые то в одном, то в другом отношении¹.

Второй сюжет, рассмотренный в докладе Г.К. Баммеля, это категории конкретного, абстрактного, общего, проблема реальности общих понятий и пр. «Механистическая мысль неизбежно должна была разбиться в этом круге вопросов», поскольку смотрит на общее, как на продукт обобщения. На примере понятия абстрактного труда Г.К. Баммель показывает, что категории нельзя получить путём родо-видового обобщения посредством вычленения «общих признаков». Подобное субъективистское понимание общего, понимание «наших понятий как чего-то формального и не имеющегося в природе вещей»,

---

¹ Диалектическое противоречие. М., 1979.

оставляло бы «лазейку в сторону идеализма». «Общее всему не является только продуктом нашей способности обобщения. Эта проблема важна не только для формальной логики, но и для диалектики, для диалектической логики. В теории суждения общее увязывается с единичным и особенным не логической связью, а реальной связью с действительностью. Общее дано в особенном как единичное, и, наоборот, единичное может быть дано в особенном как общее. Общее понятие есть понятие конкретное. Всякое понятие конкретно». Поражает практически дословное совпадение того, что говорил Г.К. Баммель в 1927 году с тем, что писал Э.В. Ильенков о всеобщем, что в диалектике оно должно быть понято конкретно, и «выражается отнюдь не в абстрактно-общем для них признаке», но как принцип закономерной связи элементов в составе целого, живого единства, различённого внутри себя на моменты, находящиеся друг к другу в отношении тождества противоположностей. Потому конкретно-всеобщее содержит в себе всё богатство особенного и единичного, и в своём развёртывании вполне может обнаруживаться в несходстве и противоположности единичного, а понятие выражает такое реальное, которое, будучи особенным, в то же время оказывается всеобщим¹. Слова Г.К. Баммеля: «У нас говорили общими фразами о диалектической логике, от этих общих фраз следовало бы уже перейти к конкретной разработке этих проблем», кажутся, будто, сказанными в 1970-е годы. Мы вновь получаем подтверждение сделанного выше предположения о том, к каким результатам, несомненно, привело бы философское развитие в стране при ведущей роли дебординской школы, если бы процесс не был насильственно прерван практически в самом начале. Нашей философии пришлось в 1950-е – 1970-е гг. с усилием преодолевать тяжкий груз четвертьвекового господства сталинизма, и, тем не менее, «мёртвый» держал «живого» достаточно крепко, диалектическая логика иссякла, так и не возродившись, а преобладание получили позитивистские подходы.

Третий блок проблем, рассмотренный Г.К. Баммелем – применение диалектики к познанию природы: вопросы пределов сведения высших форм к низшим, качества, узлов и скачков, причинности и целесообразности, случайности и необходимости. Удивительно точен у Г.К. Баммеля сам подход – ради чего разрабатывать эти проблемы? «Разработка этих проблем на основе понимания диалектики как науки должна была подвести фундамент под всё естествознание и помочь естествознакам сознательно применять метод диалектики в тех случаях, когда он требуется самой природой вещей». К такому пониманию «союза философии и естествознания», спустя годы господства лысенковщины и прочих погромно-идеологических кампаний, вновь с большим трудом пришли уже в 1960-е гг.² Непросто пройти между Сциллой высокомерного предписывания науке философских истин и Харибдой изгнания

---

¹ Некоторые проблемы диалектики. Вып. VII. М., 1973.

диалектики из научных исследований как «бесполезной» в условиях лаборатории. Вторая опасность и занимала Г.К. Баммеля, благо она имела реальных носителей – «механистов». «Когда ортодоксальные марксисты требовали практической разработки диалектики, - говорил Г.К. Баммель, подразумевая под ортодоксальными марксистами деборинцев, - механисты развили бешенную кампанию – практическая разработка диалектики выросла в глазах механистов в идеалистическое чудовище, в чудовище метафизики, от которой они всячески предостерегали». Г.К. Баммель подверг критике «беспомощность механистической мысли» по конкретным вопросам методологии естествознания, в частности, относительно скачков и узлов в диалектике развития, отверг выдвигавшиеся «механистами» обвинения против деборинцев в витализме, и пр. Г.К. Баммель, как и И.К. Луппол также не преминул произнести здравицу в адрес А.М. Деборина: «И здесь нам нужно сказать, что правильная постановка этих проблем, правильное разрешение всех этих вопросов было дано именно тов. Дебориным, в целом ряде его работ, не имеющих, казалось бы, никакого отношения к проблеме, всё это было сделано попутно, от случая к случаю, в ходе критики и борьбе с механистами».

Специфику «диалектиков» как школы нельзя понять, если не учитывать, что быть представителем этой школы означало быть учеником А.М. Деборина. А.М. Деборин занимал в школе совершенно особое положение непререкаемого учителя. Поэтому торжественное заседание философской секции Коммунистической академии, задуманное как торжество школы, не могло не стать, вместе с тем, и в первую голову, торжеством лично А.М. Деборина. Помимо отдельных апологетических пассажей в докладах И.К. Луппола и Г.К. Баммеля со специальным приветствием в адрес А.М. Деборина от имени третьего набора аспирантов Института научной философии РАНИОН выступил П.А. Шария. Приветствие П.А. Шария от имени старых учеников А.М. Деборина, занимавшихся у него с 1921 г., подхватил ведущий собрание И.К. Луппол, отметив «ту огромную роль и в области научной литературы, и в области педагогики, и в области научных исследований, которую играет т. Деборин у нас в течении десяти лет». А.М. Деборин отвечал на приветствия с необходимой в таких случаях скромностью, и, вместе с тем, принимал их как должное. Он был, несомненно, счастлив откликом, который его слово и идеи имели у научной молодёжи, и сказал об этом: «Молодые товарищи более восприимчивы, более отзывчивы, и вот та радость, которую я могу выразить сегодня, это есть единственно радость моего общения с этими молодыми товарищам, которые являются нашей сменой, и которые должны продолжить то дело, которое было сделано нашими учителями», разумея под учителями, без сомнения, Г.В. Плеханова. Ситуация эта, будто нарочно поставлена, чтоб

---

² Ильин А.Я., Фролов И.Т. Ленинские принципы философского исследования научного познания // Вопросы философии. 1970. № 4. С. 87-97.

продемонстрировать трагическую иронию истории. Пройдёт два года, и чувство сменится поношением, среди основных обвинений А.М. Деборину будут предъявлять «преувеличение роли» Г.В. Плеханова в истории философии, многие ближайшие его ученики, то же И.К. Луппол, не проявят особой стойкости в защите идей школы, а П.А. Шария, став заведующим кафедрой философии Тбилисского университета, а затем, начальником секретариата наркома внутренних дел СССР Л.П. Берия, вряд ли захочет вспомнить произнесённые им в 1927 г. слова благодарности в адрес лидера «меньшевиствующих идеалистов».

Своеобразным ответом «механистов» на утверждения «диалектиков» о своей победе в философской дискуссии стал открытый диспут на тему «Коренные вопросы диалектического материализма», который «механисты» организовали 19 декабря 1927 г. в помещении театра В.Э. Мейерхольда. От «механистов» в диспуте участвовали главные силы: Л.И. Аксельрод, А.К. Тимирязев, С.С. Перов, А.И. Варьяш, В.Н. Сарабьянов. «Диалектики» не хотели придавать в глазах общественности большого значения этому событию, но и проигнорировать его не могли. Их школа не была представлена на диспуте «звёздами первой величины», за исключением, пожалуй, Н.А. Карева. Кроме него, участвовали также Г.Ф. Дмитриев, С.Г. Левит и И.П. Подволоцкий¹. Диспут вызвал большой интерес общественности и затянулся за полночь. Однако в информационном обзоре о диспуте, опубликованном в журнале «Под знаменем марксизма», фактически оказалась представленной только позиция деборинцев. Н.А. Карев, бывший членом редколлегии «Под знаменем марксизма», прямо заявил, что журнал не собирается отдавать свои страницы пропаганде ревизионизма. И.И. Яхот был совершенно прав, когда в своём исследовании по истории философских дискуссий в СССР 1920-х – 1930-х гг. заметил по этому поводу, что подобное лишение оппонентов возможности изложить свою позицию в печати скоро больно ударит по самим «диалектикам»².

Организационная подготовка создания Института философии в Комакадемии; проект «Философской энциклопедии» как программа работы Института

1928 год был годом формирования самостоятельного Института философии, то есть того учреждения, 80-летие которого мы отмечаем 24 апреля 2009 г. Процесс этот был постепенным, поэтапным, противоречивым, как это всегда бывает при объединении и ликвидации организационных структур.

---

¹ Под знаменем марксизма. 1928. № 9-10. Объявление о диспуте см.: Архив РАН. Ф. 355. Оп. 1а. Д. 2.

² Яхот И.И. Подавление философии в СССР // Вопросы философии. 1991. № 9. С. 64.

Инициатива исходила от А.М. Деборина, который к тому времени оказался руководителем всех научных учреждений по философии. Учреждения дублировали друг друга, и распыление сил не давало возможности развернуть крупномасштабные исследования. Кроме того, создание общепризнанного, полноправного Института философии во главе с А.М. Дебориным означало полную победу его группы в философских дискуссиях. В Институте научной философии РАНИОН определённые позиции и влияние сохраняли «механисты», прежде всего, Л.И. Аксельрод и А.К. Тимирязев, долгие годы работавший в Московском университете. При объединении силы «механистов» растворились бы в большем по численности учреждении. Главное же – новому Институту нужно было придать государственный статус. Ассоциация вузовских научно-исследовательских институтов – РАНИОН для этого не годилась. Для этого пригодным был лишь вариант создания новой структуры в рамках Коммунистической академии, числившейся при ЦИК СССР. Новый Институт объединял, таким образом, все существующие структурные образования по философии и становился ведущим философским центром в СССР.

14 января 1928 г. А.М. Деборин сделал отчётный доклад о годичной работе философской секции на заседании Президиума Комакадемии. Постановлением Президиума Комакадемии работа секции была признана удовлетворительной «как в смысле общего направления, так и в смысле подбора сотрудников»¹.

В мае 1928 г. состоялось совещание по вопросу об организации при Коммунистической академии Института философии². Доклад сделал А.М. Деборин. Он мотивировал необходимость научно-исследовательской работы в области философии в Комакадемии тем, что на данный момент в философской секции Комакадемии и в Институте научной философии РАНИОН, как правило, работают одни и те же сотрудники, темы исследований совпадают, а координации проводимых исследований нет. Кроме того, перед обоим учреждениями стоит одна и та же коллективная задача – подготовка намеченного к изданию при Комакадемии «Философского словаря». В принятой на совещании резолюции указывалось, что создаваемый в Комакадемии Институт философии будет центром научно-исследовательской работы в области философии, исторического материализма и диалектики естествознания.

18 мая 1928 г. было принято постановление Президиума Коммунистической академии о создании Института философии и образована Комиссия по организации Института в составе Е.Б. Пашуканиса (от Комакадемии), В.М. Фриче (от РАНИОН), А.М. Деборина. Комиссия пришла к выводу о целесообразности сосредоточить всю научно-исследовательскую работу по философии в создаваемом Институте философии Комакадемии, а за

---

¹ Архив РАН. Ф. 355. Оп. 1а. Д. 3.

² Архив РАН. Ф. 355. Оп. 1а. Д. 9.

Институтом научной философии РАНИОН оставить лишь подготовку аспирантов. Директором Института философии Коммунистической академии назначался А.М. Деборин, учёным секретарём И.П. Подволоцкий.

Сотрудниками философской секции Комакадемии были подготовлены документы по структуре и планам научно-исследовательских работ Института философии, которые были утверждены Комиссией. В правление Института были намечены В.В. Адоратский, А.М. Деборин, Б.М. Гессен, Н.А. Карев, С.С. Кривцов, И.К. Луппол, И.П. Подволоцкий, Я.Э. Стэн. Было решено сформировать в составе Института пять секций: диалектического материализма, исторического материализма, истории философии, современной философии, диалектики естествознания.

В качестве одной из основных работ Института философии намечалась подготовка «Философской энциклопедии» с тем, чтобы удовлетворить ставшую всё более настоятельной потребность в систематизации философских знаний. Был разработан план энциклопедии. Первый том должен был быть посвящён диалектическому материализму и включать такие темы, как теория познания, критика идеализма, «критика формальной логики и индуктивной логики», исследование развития логических форм мысли и системы категорий материалистической диалектики. Данный перечень говорит сам за себя и вполне точно характеризует философские позиции деборинской школы. Можно лишь заметить, что развернувшиеся в нашей стране в 1950 – 1970-е гг. исследования в области диалектической логики и сформулированные в философской литературе тех лет воззрения «гносеологов» на предмет и задачи диалектического материализма, были ничем иным, как своеобразным возрождением традиций, идущих от деборинской школы и затоптанных в годы сталинистского догматизма. «Критика формальной и индуктивной логик», разумеется, выглядит как нонсенс, вызванный радикализмом, вполне естественным для только формирующегося философского направления. Хотя, справедливости ради, можно вспомнить, что, как раз, к формальной логике в те же годы сталинизма судьба оказалась более благосклонной.

Второй том «Философской энциклопедии», согласно составленному плану, должен был быть посвящён истории философии. Третий том – современной философии. Он должен был включать в себя как результаты систематических исследований, так и критику основных направлений западной философской мысли: неокантианства, неогегельянства, эмпириокритицизма, прагматизма, интуитивизма, гуссерлианства, позитивизма, реализма, а также философских основ социал-демократии, исследование современной марксистской философии на Западе и истории русской философии. Четвёртый том охватывал вопросы исторического материализма, научного коммунизма, критики ревизионизма и основных систем буржуазной социологии. В пятом томе, посвящённом диалектике естествознания, предполагалось дать

философский анализ математики, наук о неорганической природе и биологии, проследить эволюцию основных понятий этих наук, взаимодействие между основными дисциплинами в них, исследовать возникновение и развитие научных воззрений в связи с развитием философии, и обратное их влияние на философию, современные направления в науках, значение и границы приложения принципов конкретных наук. Так мыслилась общая логическая структура энциклопедии. При этом, допускалась возможность того, что в виде издания энциклопедия технически составит семь – восемь томов. Общий объём энциклопедии предполагался в 60 – 65 печатных листов, срок её подготовки – три – четыре года. В более поздних планах последовательность томов несколько изменялась.

6 ноября 1928 г. под руководством А.М. Деборина прошло заседание Комиссии по слиянию философской секции Комакадемии и Института научной философии РАНИОН, в котором участвовали Н.А. Карев, З.М. Конусова, И.П. Подволоцкий, В.К. Серёжников и представители Института научной философии РАНИОН¹. А.М. Деборин проинформировал собравшихся о положительном решении данного вопроса в ЦК ВКП(б). Штатные единицы и сметные суммы Института научной философии РАНИОН должны были перейти формирующемуся Институту философии Коммунистической академии. Была утверждена штатная структура будущего Института: действительные члены, старшие научные сотрудники, члены-корреспонденты, младшие научные сотрудники. Научные сотрудники могли быть как штатными, так и нештатными.

По существу, слияние двух научных учреждений проходило как поглощение Института научной философии РАНИОН философской секцией Комакадемии. 23 ноября 1928 г. вопрос о слиянии Института научной философии РАНИОН с философской секцией Комакадемии обсуждал Президиум РАНИОН. Президиум РАНИОН согласился с объединением, но без передачи Комакадемии средств по научным и издательским расходам.

Бюро Президиума Комакадемии 1 декабря 1928 г. потребовало от РАНИОН проводить процесс объединения в полном объёме². Одновременно бюро Президиума Комакадемии утвердило решение о создании в течение пяти лет «Философской энциклопедии». Работа по созданию энциклопедии была задумана с размахом и активно развернулась под руководством А.М. Деборина. Но после разгрома деборинского философского руководства эта задача была оставлена. Да и люди, которые пришли к руководству отечественной философии спустя два года, в конце 1930 г., по уровню своей теоретической грамотности, философской культуры и масштабу мышления были просто неспособны «поднять» такую работу.

---

¹ Архив РАН. Ф. 355. Оп. 1а. Д. 14.

² Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 163.

Первый состав Института философии и его научно-исследовательская работа

1 декабря 1928 г. на заседании Президиума Комакадемии состоялись выборы действительных членов Института философии¹. Прошли 33 кандидатуры из предложенного списка: А.И. Авраамов, И.И. Агол, В.В. Адоратский, Л.И. Аксельрод, В.Ф. Асмус, Г.К. Баммель, Н.И. Бухарин, А.И. Варьяш, Б.М. Гессен, А.М. Деборин, Н.А. Карев, К.Н. Корнилов, С.С. Кривцов, А.В. Кубицкий, М.Л. Левин, И.К. Луппол, А.А. Максимов, В.Н. Максимовский, К.К. Милонов, В.И. Невский, И.П. Подволоцкий, В.М. Познер, И.П. Разумовский, В.В. Рудаш, Д.Б. Рязанов, В.К. Серёжников, А.К. Столяров, Я.Э. Стэн, А.М. Тальгеймер, А.К. Тимирязев, А.Д. Удальцов, В.М. Фриче, О.Ю. Шмидт. Не были избраны Я.А. Берман, П.С. Виноградская, Г.Ф. Дмитриев, М.А. Дынник, И.Д. Сапир, В.Н. Слепков, Ф.Е. Тележников, Ю.В. Франкфурт, М.М. Фурщик, А.А. Ческис, М.И. Яблонский, в большинстве своём – молодые тогда философы, из которых Г.Ф. Дмитриев и А.А. Ческис вскоре были доизбраны в состав действительных членов Института. 15 декабря 1928 г. действительным членом Института философии стал также председатель Президиума Комакадемии М.Н. Покровский. Позже действительным членом Института был избран П.Н. Лепешинский. Преобладающее большинство среди действительных членов нового Института составили действительные члены философской секции Комакадемии, к которым добавилось несколько видных учёных Института научной философии РАНИОН.

Старшими научными сотрудниками Института были утверждены: И.Я. Вайнштейн, П.С. Виноградская, Т.Б. Гейликман, М.А. Дынник, Л.Я. Зивельчинская, Д.Ю. Квитко, С.П. Коршунов, В.М. Познер, В.Н. Ральцевич, А.И. Рубин, И.Д. Сапир, В.Н. Слепков, Ф.Е. Тележников, Ю.Ф. Франкфурт, М.М. Фурщик, Б.С. Чернышев.

Членами-корреспондентами Института были избраны: от Ленинграда – С.Л. Гоникман, Г.С. Тымянский, Е.Ф. Гирчак, от Харькова – Р.С. Левик, В.А. Юринец, от Киева – Я.С. Розанов, от Свердловска – Н.Н. Бобровников, А.Ф. Вишневский, от Ростова-на-Дону – В.П. Егоршин, П.Ф. Сапожников.

Младшим научным сотрудником остался в единственном числе В.К. Брушлинский.

Коллегия Института была утверждена в следующем составе: А.М. Деборин (директор), И.П. Подволоцкий (учёный секретарь), Б.М. Гессен, Н.А. Карев, С.С. Кривцов, И.К. Луппол, Я.Э. Стэн. Не прошли предлагавшиеся в состав коллегии кандидатуры М.Л. Левина и В.В. Рудаша.

В принятой организационной структуре Института просматривается чёткий план научной работы и общее видение основных направлений и задач

¹ Архив РАН. Ф. 355. Оп. 3. Д. 10.

развития философии в стране. Структура Института была выстроена таким образом, чтобы подразделения были одновременно основой для подготовки томов «Философской энциклопедии». Каждому тому соответствовала секция Института.

В бюро секций входили:

- по секции диалектического материализма: Н.А. Карев (заведующий), И.П. Подволоцкий (заместитель), А.М. Деборин. Таким же был состав редакции диалектического материализма «Философской энциклопедии», с тем, само собой разумеющимся отличием, что первым в списке шёл А.М. Деборин;

- по секции исторического материализма: С.С. Кривцов (заведующий), И.П. Разумовский (заместитель), В.Н. Максимовский, В.В. Адоратский. Те же лица, только без В.В. Адоратского, составляли соответствующую редакцию «Философской энциклопедии»;

- по секции истории философии: И.К. Луппол (заведующий), В.В. Рудаш (заместитель), А.М. Деборин, Н.А. Карев, В.К. Серёжников. Ничем не отличался и состав историко-философской редакции энциклопедии;

- по секции современной философии: Я.Э. Стэн (заведующий), В.Ф. Асмус (заместитель), Г.К. Баммель. Такой же была и редакция четвёртого тома энциклопедии;

- по секции диалектики естествознания: М.Л. Левин (заведующий), Б.М. Гессен (заместитель), А.А. Максимов. В составе редакции пятого тома энциклопедии первым шёл Б.М. Гессен.

24 декабря 1928 г. состоялось первое заседание коллегии Института, в котором кроме членов коллегии также участвовали В.Ф. Асмус, В.К. Брушлинский, Д.Ю. Квитко, З.М. Конусова, М.Л. Левин, И.П. Разумовский¹. Было решено прикрепить сотрудников к секциям и в каждой секции поставить для обсуждения доклад. На январь были намечены доклады М.М. Фурщика «Каутский и диалектический материализм», П.С. Виноградский «Анахарсис Клоотс как философ и социолог», А.А. Максимова «Методология измерения и принцип относительности», И.Я. Вайнштейна «Теоретическая экономия как философская проблема».

На том же заседании В.К. Брушлинскому было поручено организовать Философский кабинет Библиотеки Коммунистической академии, в котором сосредоточить наличную философскую литературу. Была признана необходимость увеличения ассигнований на закупку литературы для Института философии и принятия мер по закупкам как русских, так и зарубежных изданий.

1929 год – год полной победы деборинской школы. Работа Института философии набирала обороты.

На заседании правления Института 19 марта 1929 г. С.С. Кривцов доложил о работе секции исторического материализма по подготовке «Философской

---

¹ Архив РАН. Ф. 355. Оп. 1а. Д. 11.

энциклопедии». Обсуждался вопрос о смете расходов на аспирантуру. На должность старшего научного сотрудника был принят Т.Б. Гейликман¹.

Был утверждён план издания классиков философии, который включал избранные сочинения Дж. Бруно, Ф. Бэкона, Г.В. Лейбница, переписку Р. Декарта, Б. Спинозы, «Метафизику», «Физику» и логические трактаты Аристотеля, «Всеобщую историю и теорию неба» и «докритические» работы И. Канта. Издательская деятельность Института, таким образом, вышла за рамки «Библиотеки материалиста», и приданный работе над философским наследием импульс способствовал публикации в 1930-е гг. на русском языке ряда классических философских произведений, в подготовке которых участвовали действующие и бывшие сотрудники Института. В 1929 г. с предисловием А.М. Деборина вышли в свет первый том «Сочинений» Гегеля, «Краткий трактат» Спинозы в переводе и со вступительной статьёй Г.С. Тымянского и был переведён под редакцией А.И. Рубина и издан «Краткий трактат о боге, человеке и его блаженстве» Спинозы. «Переписка» Спинозы в переводе В.К. Брушлинского была издана в 1932 г. Полный русский перевод «Метафизики» Аристотеля был осуществлён и опубликован А.В. Кубицким в 1934 г., в 1939 г. им же был издан перевод «Категорий». Со вступительными статьями или под редакцией В.Г. Вандека (Тер-Григорьяна) и В.И. Тимоско были изданы выполненные специалистами переводы «О природе вещей» Лукреция (1933), «О назначении учёного» Фихте (1935), «О бесконечности, Вселенной и мирах» Бруно (1936), «Физики» Аристотеля (1936). «Новые опыты о человеческом разумении» Лейбница публиковались в отрывках в журнале «Под знаменем марксизма» в 1935 и 1936 гг., и полностью были опубликованы в 1936 г. в переводе П.С. Юшкевича и с предисловием Б.Э. Быховского.

На том же заседании правления Института были утверждены очередные доклады в секциях. По секции диалектического материализма намечались доклады К.К. Милонова «Диалектика Маркса в “Капитале”», А.И. Аврамова «Диалектический материализм в учении Фейербаха и Чернышевского», по секции исторического материализма – И.П. Разумовского «Марксизм и этика», по секции истории философии – В.В. Рудаша «К вопросу о происхождении греческой философии», В.Т. Дитякина «Основные линии философского развития в эпоху Возрождения», по секции современной философии – Г.К. Баммеля «Исторический материализм и феноменология», В.М. Познера «Неопозитивизм Ф. Франка», по секции диалектики естествознания – И.И. Агола «Проблема целесообразности в органическом мире», а также диспут на тему «Производительные силы». Доклад И.П. Разумовского и диспут предполагалось провести в открытом режиме, остальные – в закрытом.

С 8 по 13 апреля 1929 г. в Москве в Коммунистической академии прошла Вторая Всесоюзная конференция марксистско-ленинским научных учреждений,

---

¹ Вопросы философии. 2002. № 5. С. 137.

в которой приняли участие делегаты из многих регионов страны¹. Основные доклады сделали А.М. Деборин и О.Ю. Шмидт. В резолюциях конференции «механистическое» направление было квалифицировано как «самый доподлинный ревизионизм», который «рядится в марксистские одежды». «Ведя по существу борьбу против философии марксизма-ленинизма, не понимая основ материалистической диалектики, и подменяя на деле революционно-материалистическую диалектику вульгарным эволюционизмом, а материализм – позитивизмом, объективно препятствуя проникновению методологии диалектического материализма в область естествознания и т. д. – это течение представляет собой явный отход от марксистско-ленинских философских позиций». Таким образом, ортодоксальный статус марксизма деборинцев получил официальную санкцию. Вместе с тем, резолюция не содержала каких-то организационных мер в адрес «механистов», говорилось лишь о необходимости «продолжать систематическую критику и разоблачение ошибок механистического направления». В качестве важнейшей задачи в резолюции была названа «дальнейшая разработка теории диалектики и углублённое проведение метода диалектического материализма как в области общественных наук, так и в области естествознания».

Разгром деборинского философского руководства

1930 год стал последним годом первого периода существования Института философии. Против деборинского философского руководства начали наступление «молодые силы» выпускников философского отделения Института красной профессуры во главе с М.Б. Митиным. Они стремились политизировать философию, превратить её в инструмент идеологического воздействия и обслуживания текущих политических задач власти. Деборинская линия на разработку фундаментальных теоретических и историко-философских проблем, которая проводилась в Институте философии, не могла не пасть жертвой новой идеологической капании по «борьбе на два фронта» в философии: не только против «механистов», но и против «диалектиков».

Первый бой существующего и будущего, рвавшегося к власти философского руководства прошёл на совместном заседании партийных фракций Института философии Коммунистической академии и московской организации Общества воинствующих материалистов-диалектиков, проходившем 20 – 24 апреля 1930 г. В своём заключительном слове на совещании А.М. Деборин отметил, что новая группа стремится к власти и дискредитирует философское руководство². М.Б. Митин и его сторонники

---

¹ Современные проблемы философии марксизма. М., 1929; Яхот И.И. Подавление философии в СССР // Вопросы философии. 1991. № 9. С. 65-66.

² Под знаменем марксизма. 1930. № 6.

развернули наступление на деборинцев в печати, заручившись поддержкой в ЦК ВКП(б).

7 июня 1930 г. в «Правде» была опубликована знаменитая «статья трёх», М.Б. Митина, В.Н. Ральцевича и П.Ф. Юдина, в которой выдвигались политические обвинения в адрес деборинцев, упрёки в отстаивании философии «от задач социалистического строительства». Последние ответили статьёй в журнале «Под знаменем марксизма»¹, подписанной всеми их видными представителями: А.М. Дебориным, И.К. Лупполом, Я.Э. Стэнном, Н.А. Каревым, И.П. Подволоцким, Б.М. Гессеном, М.Л. Левиным, И.И. Аголом, С.Г. Левитом, Ф.Е. Тележниковым, в которой была дана содержательная защита проводившейся ими линии на разработку теоретических проблем материалистической диалектики и философии естествознания, на отстаивание специфики философии, против смешения философии и политики. Однако, оппоненты деборинцев вели полемику в совершенно ином ключе, указывая на «ошибки троцкистского характера», предъявляя обвинение в отрыве философии от политики и требуя «большевизации на философском фронте». Против деборинцев велось наступление со страниц газеты «Правда» и журнала «Большевик», а журнал «Под знаменем марксизма» временно перестал выходить. «Деятельность деборинской группы была расценена как формалистический уклон»². К августу 1930 г. на основе решения ЦК ВКП(б) была закончена реорганизация философского отделения ИКП в самостоятельный ИКП философии и естествознания, и группа М.Б. Митина поставила под свой контроль партийное бюро ИКПФиЕ.

17 – 20 октября 1930 г. положение «на философском фронте» обсуждал Президиум Комакадемии³. К обвинениям деборинцев в «формализме» добавились новые, более серьёзные обвинения: в принижении роли В.И. Ленина в философии, в завышенной оценке Г.В. Плеханова, в отсутствии «большевистской партийности» в работе философского руководства. А.М. Деборину припомнили его антибольшевистские высказывания тех времён, когда он был меньшевиком. Это была уже не философская дискуссия, а политический разгром. А.М. Деборин был вынужден признать своё поражение, однако «инстинктивно защищал свою теоретическую позицию», пытаясь «сохранить достоинство, уступая партийному давлению»⁴. Были приняты первые организационные меры против деборинцев. 23 ноября 1930 г. Я.Э. Стэн и Н.А. Кареев были исключены из состава Правления Общества воинствующих материалистов-диалектиков.

---

¹ Под знаменем марксизма. 1930. № 5.

² Яхот И.И. Подавление философии в СССР // Вопросы философии. 1991. № 10. С. 83.

³ Разногласия на философском фронте. М. – Л., 1931.

⁴ Яхот И.И. Подавление философии в СССР // Вопросы философии. 1991. № 10. С. 87.

9 декабря 1930 г. с победителями в «дискуссии» – членами бюро ячейки ВКП(б) Института красной профессуры философии и естествознания встретился И.В. Сталин. Он дал указание окончательно разгромить деборинское философское руководство и увязать эту критику с идеологической борьбой против оппозиции¹. Теоретическое обвинение в отношении деборинцев было переключено с «формализма» на «меньшевистствующий идеализм», приобретя, тем самым, политическую окраску. Эта формулировка, вполне отражающая примитивность мышления её автора, была закреплена принятым 25 января 1931 г. постановлением ЦК ВКП(б) «О журнале “Под знаменем марксизма”»², которое подвело итог «дискуссии».

Авторы, специально исследовавшие вопрос о теоретических воззрениях деборинцев в связи с выдвинутыми против них обвинениями, раскрыли лживость этих обвинений. Как пишет Н.Б. Коршунов, «имела место целенаправленная фальсификация взглядов “диалектиков”, и, в первую очередь, самого А.М. Деборина, преследовавшая далеко идущие цели»³. И.И. Яхот прекрасно показал, что М.Б. Митин и иже с ним «игнорировали убедительные факты и не снимали обвинения», поскольку истинной их целью было «раздувание культа личности Сталина»⁴.

В результате Институт философии был, по существу, разгромлен, А.М. Деборин и его сторонники, а также, «механисты», были удалены из него, а сам Институт был слит с Институтом красной профессуры философии. В 1932 г. Институт философии был воссоздан как самостоятельное научно-исследовательское подразделение Комакадемии, но прежним он стать уже не мог⁵.

---

¹ Квасов Г.Г. Документальный источник об оценке И.В. Сталиным группы академика А.М. Деборина // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. Вып. 10. М., 1992. С. 193-195.

² Правда. 1931. 26 января.

³ Коршунов Н.Б. Подавление инакомыслия и философская полемика в СССР в начале 1930-х гг. // Философские науки. 2000. № 4. С. 84.

⁴ Яхот И.И. Подавление философии в СССР // Вопросы философии. 1991. № 11. С. 72-83.

⁵ Русская философия. М., 1995. С. 185.